

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИКО-МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассматривается начало дисциплины экономической истории с позиций историографического подхода, именуемого автором «историко-мыслительным». Историографические модели, объясняющие факт появления на древе экономической науки ветви с названием «экономическая история», концентрируют обсуждение в плоскости методологии экономической науки и ее аналитических возможностей. Дисциплинарная же история экономической истории оказывается на периферии исследовательского внимания, превращаясь в малозначимый аспект исследования истории экономической мысли соответствующего периода.

Ключевые слова: историография экономической науки; история экономической мысли; экономическая история; дисциплинарная история.

D.YA. MAIDACHEVSKY
PhD in Economics, Associate Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: maid1960@mail.ru

ABOUT THE BEGINNING OF ECONOMIC HISTORY FROM THE PERSPECTIVE OF HISTORICAL-COGNITIVE APPROACH IN THE HISTORIOGRAPHY OF ECONOMICS

The article studies the beginning of the discipline of economic history from the perspective of the historiographic approach called by the author «historical-cognitive». The historiographic models that explain the appearance of the branch with the name of «economic history» on the tree of economics concentrate a discussion in the field of methodology of economics and its analytical opportunities. The disciplinary history of the economic history finds itself on the periphery of the research attention, turning into a low significant aspect of the research of the history of economic thought of the corresponding period.

Keywords: historiography of economics; history of economic thought; economic history; disciplinary history.

Историко-мыслительный подход в историографии экономической науки, доминируя на протяжении едва ли не всей истории существования дисциплины и задавая не только ее название — «история экономической мысли», но и направленность историко-научного анализа, ограничивается едва ли не исключительно реконструкцией когнитивного содержания науки, в большинстве случаев — (ре)интерпретацией старых идей, результаты которой кладутся в основание текущих научных исследований. Поскольку для данного историографического подхода история на-

уки всего лишь линейная интеллектуальная генеалогия сменяющих друг друга «школ», «течений» или «направлений» мысли, он может предложить крайне ограниченный набор вербальных моделей, объясняющих факт появления на древе экономической науки ветви с названием «экономическая история». Если не принимать во внимание малозначимых нюансов, таковых обнаруживается три.

Первая из таких моделей попросту отождествляет экономическую историю с исторической школой в политической экономии — со вторым и третьим ее «поколениями»,

сначала сосредоточившимися на написании историко-экономических монографий, а затем перешедшими к созданию обобщающих работ, — нередко поэтому переименовывая ее в «историко-экономическую» [1; 2; 3; 9].

Эта модель не предусматривает регистрации фактов рефлексии о предмете и проблемных полях экономической истории как самостоятельной дисциплины. В ее рамках реконструируется историцистская критика классического мейнстрима, первоочередное внимание уделяется противостоянию индуктивного и дедуктивного методов, историзма и рационализма, исторической и национальной специфике экономической науки, необходимости детального изучения экономического развития в целях выработки его «законов» и т.д. Нередко ради демонстрации непрерывности развития науки (равно как и переноса в прошлое границ истории дисциплины) сторонники данной модели ищут корни экономической истории в творчестве А. Смита (а нередко и авторов XVI–начала XVII вв.), умевшего успешно сочетать экономическую теорию и историю, изучая причины, которые предопределили экономический прогресс цивилизованных наций. Экономическая история, не утраченная, но «забытая» последователями, вновь обрела законное место в структуре науки после выхода на ее авансцену исторической школы.

Приверженцы данной модели изучают историю уже не просто экономической, а историко-экономической мысли — «историко-экономических воззрений», усматривая задачу историографии в описании вклада того или иного автора в разработку конкретных историко-экономических проблем: периодов хозяйственной истории, прошлого отдельных отраслей экономики, экономических институтов и т.д. За скобки «собственно историографии» выносятся теории, исследовательские методы и практики историко-экономического анализа, изучение которых подменяется выяснением философско-методологических или мировоззренческих установок ученых. Дисциплинарная история экономической истории, подчеркивает И.Н. Шапкин, представляет значительный интерес, но не сама по себе, а в ее связи «с эволюцией историко-экономической мысли, с противостоянием различных школ и направлений в исторической науке и политической экономии» [11, с. 87].

Вторая модель уже не ставит знака равенства между экономической историей и исторической школой в экономической науке, хотя и отводит последней решающую роль в деле ее «ответвления» от ствола политической экономии. На рубеже XIX–XX вв. под влиянием немецкой исторической школы, коего не избежало ни одно из существовавших с пореформенных времен направлений российской экономической мысли, в структуре политической экономии «оформился» целый ряд основанных на принципе историзма направлений, включая и экономическую историю. Ретроспективно, полагает автор этой модели Г.Д. Гловели, стремящийся таким путем учесть в ней особенности отечественной науки, эти историцистские направления можно объединить в рамках некой «теории экономического развития», вырабатывавшейся русской экономической мыслью [4, с. 11–22; 6, с. 146–147, 154].

Хотя в ответвлении экономической истории от ствола политической экономии свою роль сыграла и марксистская политическая экономия с ее теорией исторических изменений, она не была определяющей, поскольку «марксистский историзм в российской политэкономии» сам в свою очередь испытал трансформировавшее его влияние исторической школы. С целью, по-видимому, подчеркнуть решающую роль последней автор в своем учебном пособии даже называет И.М. Кулишера, с деятельностью которого связывает становление в России одного из таких историцистских направлений — «академической экономической истории», даже не последователем, а «русским представителем» новой немецкой исторической школы [5, с. 294]. В силу чего данная историографическая модель обнаруживает явную генетическую связь с рассмотренной первой.

В отечественной науке существует, впрочем, и другая ее разновидность, за давностью лет несколько подзабытая, однако принципиально иначе оценивавшая роль исторической школы в возникновении экономической истории и тяготеющая, скорее, к третьей модели. Самоопределение экономической истории было во многом вынужденным шагом, обусловленным «методологической крайностью», в которую впала историческая школа в политической экономии, задумавшая «на место теоретического исследования хозяйственных

явлений поставить научные приемы исследований историко-хозяйственных» [8, с. 11].

Не сумевшая верно определить характер осуществляемых исследований как историко-экономических и способная в силу этого нанести ущерб теоретическим построениям, историческая школа ускорила процесс разделения научного труда в политической экономии. Работы исторической школы представляют собой законную часть политической экономии, только будучи выделены в самостоятельный ее «департамент», существующий параллельно с отделом «теоретической экономии». В этом случае экономическая история как вспомогательная экономическая дисциплина нередко не рассматривается столь уж обязательной и неотъемлемой частью экономической науки, в силу чего может быть легко выделена из нее и передана в ведение науки исторической. В представителях исторической школы, хотя и признаваемых создателями науки экономической истории, сторонники данной точки зрения видели в первую очередь «культур-историков», а затем уже экономистов.

И вновь свое законное место «творца» экономической истории занимает А. Смит, но уже как сделавший первый шаг на пути ее основания в качестве самостоятельной субдисциплины политической экономии, поскольку развел по разным главам своего «Исследования о природе и причинах богатства народов» изложение теоретического и исторического материала. Классику не был чужд исторически-индуктивный метод исследования, к которому он охотно прибегал, умело комбинируя с абстрактно-дедуктивным. Выступая попеременно в роли то экономиста, то историка, соединяя теорию и историю из разных побуждений в своих сочинениях, современный экономист, подобно Смигу, не должен переходить границы, отделяющей теорию от истории. Вспомнить об этом, на долгие годы забытом, правиле экономистов заставили как раз представители исторической школы, задавшиеся целью пополнить теорию из истории.

В рамках третьей модели историческая школа выступает лишь «предысторией» экономической истории как науки. Последняя рассматривается в качестве своеобразного «интеллектуального гетто», нередко расположенного за пределами экономической науки, куда вынуждены были в результате внутри-

научной конкуренции переместиться приверженцы так называемого «исторического», или «реалистического» направления. Направления, включавшего в свои ряды не только авторов исторических, но и сравнительных и эмпирических исследований, а также работ, обращавшихся к социальным проблемам и проблемам экономической политики.

Модель эта, широко распространенная в англо-американской историографии, предусматривает не только движение мысли от «политической экономии» к «economics», но и выделение на этом пути периода перехода экономической ортодоксальности от классической к неоклассической. Берущий начало с кризиса классической политической экономии после 1870 г. и завершившийся на исходе 1920-х гг. отделением (в некоторых странах институционально оформленным) экономической истории от экономической теории, переходный период интересен, главным образом, противостоянием «исторических экономистов» и представителей ранней неоклассической ортодоксии [12; 13].

Рождение экономической истории как общепризнанной академической дисциплины вышедшими из этого противостояния «победителями» рассматривается в качестве едва ли не единственного значимого результата, полученного «историческими оппозиционерами», так и не сумевшими предложить аналитической альтернативы неоклассике. Для «проигравших», в большинстве своем пополнивших ряды сторонников неортодоксальных течений экономической мысли, напротив, результат этот малоинтересен. Куда больше их волнует «процесс», в котором ищутся упущенные возможности на пути создания институциональной, эволюционной экономической теории или упомянутой теории экономического развития.

Хотя эта модель много хуже вписывается в общие схемы, созданные авторами существующих реконструкций истории русской экономической мысли, она, не без некоторых корректив, находит своих приверженцев. Так, например, ей следует М.Г. Покидченко, полагающий, что на рубеже XIX–XX вв. историческая школа в России, вынужденно уступая позиции в конкуренции с другими теоретическими системами и, прежде всего, марксизмом и маржинализмом, «суживала сферу своей деятельности от универсальной

экономической теории (где на смену ей приходит институционализм) до истории народного хозяйства» [10, с. 88].

Историографическая модель описывает по существу историю утраты экономической наукой своей исторической составляющей, сокращения спектра изучаемых ею предметных областей, с дальнейшим ее определением «по методу», а не «по предмету», т.е. историю «развода» экономики с историей. Не трудно заметить, что, подобно первой схеме, она концентрирует обсуждение в плоскости методологии экономической науки и ее аналитических возможностей. В центре ее внимания в большей мере находятся вопросы о роли истории в экономической теории и теории в истории, связи теории с практикой в контексте противостояния «исторической экономики» уже с неоклассической ортодоксией. Дисциплинарная же история экономической истории, даже начальный ее период, охватываемый моделью, оказывается на периферии исследовательского внимания, превращаясь в малозначимый аспект исследования истории экономической мысли соответствующего периода.

Интеллектуальное «гетто», располагается ли оно в пределах политической экономии или за ее пределами, куда историко-мыслительный подход в конечном итоге помещает экономическую историю, оказывается одновременно и историографическим «тупиком». Выхода из последнего он подсказать не может, поскольку, отслеживая движение идей, в качестве естественной и единственной единицы историографического анализа видит только «школы», «течения» или «направления» экономической мысли, это движение упорядочивающие. Лежащие на обочине уже проложенных и «закатанных в асфальт» наукой путей даже не видение экономистами предмета новой дисциплины или меняющиеся с течением времени представления о природе и содержании вырабатываемого ею знания, а теории экономической истории не привлекают внимания историков экономической мысли¹.

¹ «Существует, — отмечает современный исследователь, — парадоксальная картина: есть много работ, посвященных развитию экономической теории в целом и отдельных ее ответвлений (теорий фирмы, теорий маркетинга и т.д.), но нет специальных исследований, посвященных развитию теорий экономической истории» [7, с. 271–272].

Приверженцы историко-мыслительного подхода, отстаивающие континуальные представления об историческом развитии науки, демонстрируют в последнее время стремление не столько уйти от «школьных» классификаций, сколько включить их в рамки еще более широких и абстрактных объективно-идеальных сущностей, таких, например, как парадигма или традиция. Как результат на более высокий парадигмальный уровень, призванный продемонстрировать непрерывность тех или иных мыслительных традиций, переносится кумулятивность «внутришкольного» развития науки. «Школа», «течение» или «направление» экономической мысли как единицы анализа попутно окончательно избавляются от своего «низкого» социального статуса корпоративных научных структур, всего лишь закрепляющих мыслительную общность, и обретают «высокое» когнитивное положение. Другими словами, налицо движение по пути представления науки в качестве когнитивного образования, вбирающего в себя различные сегменты знания как деперсонифицированные, надисторические структуры, т.е. по пути, противоположному предлагаемому историцистской историографией.

Выход из историографического «тупика» способен, на наш взгляд, предложить лишь историко-научный подход, который, являясь историцистским по своей природе, движется в прямо противоположном направлении в поиске оптимальной единицы историографического анализа. Первичной единицей внутренней дифференциации современной науки, имеющей фундаментальное значение для любого анализа развития науки, он избирает научную дисциплину, обращение к организации знания в рамках которой оказывается крайне плодотворным с точки зрения изучения генезиса новых научных дисциплин. В случае экономической истории — дисциплины с низкой степенью когнитивной и социальной институционализации — первичной аналитической единицей историографического исследования становится исследовательская область, выступающая этапом становления научной дисциплины. Последняя предстает уже не одной из многообразных объективно-мыслительных, когнитивных структур, неким объемом научного знания, а формой организации познавательной деятельности. Соответственно

историко-научный анализ движется не от содержания знания к выстраиваемой вокруг него исследовательской деятельности, а в противоположном направлении.

Используя категориальный и концептуальный аппарат современной философии и социологии науки, историко-научный подход представляет исследовательскую область как совокупность конкретных программ производства знания, а также программ его отбора, организации и систематизации с целью последующей трансляции и использования.

Основной задачей историко-научного подхода становится реконструкция исследовательских областей как объективных структур в развитии дисциплины посредством выявления, подробного описания составляющих их программ, определения путей формирования, способа функционирования, направлений развития и характера взаимосвязи последних, позволяющая наблюдать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля научного знания в каждый конкретный момент дисциплинарной истории.

Список использованной литературы

1. Виноградов С.М. И.И. Иванюков — представитель исторической школы в российской экономической науке. СПб., 2007.
2. Виноградов С.М. Историко-экономические воззрения И.М. Кулишера. СПб., 2002.
3. Виноградов С.М. М.М. Ковалевский — основоположник российской школы экономической истории // Экономика и политика России в переходный период: сб. докл. / под ред. В.А. Грошева, А.В. Лабудина. СПб., 2007. С. 72–80.
4. Гловели Г.Д. Историко-стадиальные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива. М., 2008.
5. Гловели Г.Д. История экономических учений: учеб. пособие. М., 2011.
6. Гловели Г.Д. Одна из возможных историй экономической мысли в России: (о книге Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России») // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 140–154.
7. Латов Ю.В. Концепция Поланьи и леворадикальная экономическая мысль // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. М., 2006. С. 268–272.
8. Левитский В.Ф. Задачи и методы науки о народном хозяйстве. Ярославль, 1890.
9. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М., 1996.
10. Покидченко М.Г. Социально-экономическая мысль России середины XVIII–начала XX в. // Покидченко М.Г., Сперанская Л.Н., Дробышевская Т.А. Пути развития экономики России: теория и практика: учеб. пособие. М., 2005. С. 9–128.
11. Шапкин И.Н. История и методологические основы экономической истории как науки // Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 83–96.
12. Kadish A. Historians, economists and economic history. L.; N.Y., 1989.
13. Koot G.M. English historical economics, 1870–1926: the rise of economic history and neomercantilism. N.Y., 1987.

References

1. Vinogradov S.M. I.I. Ivanyukov — predstavitel' istoricheskoi shkoly v rossiiskoi ekonomicheskoi nauke. SPb., 2007.
2. Vinogradov S.M. Istoriko-ekonomicheskie vozzreniya I.M. Kulishera. SPb., 2002.
3. Vinogradov S.M. M.M. Kovalevskii — osnovopolozhnik rossiiskoi shkoly ekonomicheskoi istorii // Ekonomika i politika Rossii v perekhodnyi period: sb. dokl. / pod red. V.A. Grosheva, A.V. Labudina. SPb., 2007. S. 72–80.
4. Gloveli G.D. Istoriko-stadial'nye i evolyutsionnye kontseptsii v rossiiskoi ekonomicheskoi mysli: vekovaya retrospektiva. M., 2008.
5. Gloveli G.D. Istoriya ekonomicheskikh uchenii: ucheb. posobie. M., 2011.
6. Gloveli G.D. Odnaz iz vozmozhnykh istorii ekonomicheskoi mysli v Rossii: (o knige I. Tsvainerta «Istoriya ekonomicheskoi mysli v Rossii») // Voprosy ekonomiki. 2008. № 9. S. 140–154.
7. Latov Yu.V. Kontseptsiya Polan'i i levoradikal'naya ekonomicheskaya mysl' // «Velikaya transformatsiya» Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee / pod obshch. red. prof. R.M. Nureeva. M., 2006. S. 268–272.
8. Levitskii V.F. Zadachi i metody nauki o narodnom khozyaistve. Yaroslavl', 1890.
9. Maiburd E.M. Vvedenie v istoriyu ekonomicheskoi mysli. Ot prorokov do professorov. M., 1996.
10. Pokidchenko M.G. Sotsial'no-ekonomicheskaya mysl' Rossii serediny XVIII-nachala XX v. // Pokidchenko M.G., Speranskaya L.N., Drobyshevskaya T.A. Puti razvitiya ekonomiki Rossii: teoriya i praktika: ucheb. posobie. M., 2005. S. 9–128.
11. Shapkin I.N. Istoriya i metodologicheskie osnovy ekonomicheskoi istorii kak nauki // Gumanitarnye nauki. 2012. № 1. S. 83–96.
12. Kadish A. Historians, economists and economic history. L.; N.Y., 1989.
13. Koot G.M. English historical economics, 1870–1926: the rise of economic history and neomercantilism. N.Y., 1987.